

Е. М. Чекалина

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВАРЬИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблемы функционального варьирования нередко становились предметом изучения внешней лингвистики с точки зрения территориальной, социальной и стилистической дифференциации языковых средств¹. Наряду с этим варьирование рассматривалось в исследованиях по грамматической и лексической семантике как проявление полисемии и синонимии языковых единиц различных уровней². В динамике синхронии вариативность как фундаментальное свойство языка выявляет сложную взаимосвязь внешней функциональной стратификации языка с его внутренним формальным и семантическим устройством.

В течение долгого времени живым напоминанием о старой трехродовой системе имен служит в шведском языке окончание *-e* у прилагательных слабого склонения при их употреблении с одушевленными существительными, обозначающими лиц мужского пола. Преимущественное использование этой формы в обиходно-разговорной речи сохраняется как примета регионального варианта, сложившегося на территории распространения ётских диалектов в западной и южной Швеции. Напротив, это совершенно не характерно для областей распространения свейских диалектов в центральной

---

¹ Степанов Г. В. Об особенностях языковой вариативности // Теория языка. Англистика. Кельтология. М., 1976. С. 125–133.

² См., например: Семантическое и формальное варьирование. М., 1979; Солнцев В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. 1984. № 2. С. 31–42.

части и на востоке страны, а также для северного региона и Финляндии. Поэтому для жителей Гётеборга естественно сказать о маленьком мальчике в определенной форме *den lille pojken*, тогда как жители Стокгольма непременно скажут о нем *den lilla pojken*.

В общелитературной письменной норме, сложившейся преимущественно на основе свейских диалектов, отмеченное региональное различие, изначально базировавшееся на диалектной дифференциации, не было нивелировано, а видоизменилось и приобрело особую стилистическую окраску. Одним из первых на это обратил внимание Эрик Велландер. В своей знаменитой книге «*Riktig svenska*» он отмечал зависимость выбора окончания в слабой форме от высокой или сниженной семантики прилагательного и/или существительного со значением лица мужского пола: *den gode konungen*, но *den snälla kungen*; *den store mannen*, но *den tjocka herrn*³. В отдельных случаях морфологический показатель слабой формы может также служить средством разграничения различных лексико-семантических вариантов в значении прилагательного. Так, по наблюдениям Э. Велландера, *gamle rektorn* скорее означает, что речь идет о человеке преклонного возраста, в то время как *gamla rektorn* относится к прежнему ректору, который вполне может быть и не старым. Аналогичное явление было отмечено и С. С. Масловой-Лашанской: «В отдельных случаях разница окончаний используется для выражения лексических различий между прилагательными; ср. *den store mannen* «большой [= великий] человек» и *den stora karlen* «большой [= крупный] мужчина»⁴.

Однако нормативная грамматика шведского языка рассматривала форму слабого прилагательного на *-e* как периферийное явление, как «осколок» старой словоизменительной системы и не предсказывала ей долгую жизнь в шведском языке, о чем свидетельствует, в частности, следующее замечание Э. Велландера: «*Ändelsen -e gör i dylika fall ett högtidligt, ålderdomligt eller dialektalt uttryck*»⁵. При этом не принимались во внимание важные особенности функционирования форм с показателем *-e*, получивших в системе шведского языка статус центральных, а не периферийных образований.

Прежде всего окончание *-e* является лексически закрепленным в составе устойчивых словосочетаний с порядковыми числительными

---

³ *Wellander E. Riktig svenska. En handledning i svenska språkets vård. Tredje, översedda upplagan. Stockholm, 1948. S. 196.*

⁴ *Маслова-Лашанская С. С. Шведский язык. Л., 1953. Ч. I. С. 147.*

ми *förste* и *andre*, служащих для обозначения определенных профессий и должностей, бывших прежде исключительно мужскими: *förste amanuens*, *arkivarie*, *bibliotekarie*, *byråsekreterare*, *gästdirigent*, *intendent*, *kammarskrivare*, *konsertmästare*; *andre ambassadörsekreterare*, *styrman*, *vice ordörande* и др. В современном шведском языке эти обозначения регулярно используются и применительно к женщинам: 1970 blev hon *förste intendent för avdelningen*⁵. При обычном употреблении тех же порядковых числительных со свободно стоящим артиклем и существительными, обозначающими лиц женского пола, они получают окончание *-a*: *Hon var den första bibliotekarie som anställdes vid det nya huvudbiblioteket*⁷.

Кроме того, показатель *-e* является единственно возможным при употреблении прилагательных как постоянных эпитетов в составе цельных словосочетаний с мужскими именами собственными при обозначении исторических личностей: *Erik den helige*, *Ivan den förskräcklige*, *Karl den store*; но *Katarina den stora*, *Maria den blodiga*. При таком употреблении окончания слабого прилагательного *-e/-a* соотносятся друг с другом как обязательные морфологические показатели семантического рода одушевленных существительных, имеющие устойчивый системный статус, близкий к словообразовательному.

Наряду с этим морфемы *-e/-a* получили полноправный статус словообразовательных показателей при субстантивации прилагательных и адъективированных причастий. Особенно важно подчеркнуть, что наряду с обозначением принадлежности лица к мужскому полу показатель *-e* приобрел новый смысловой признак одушевленности без указания на семантический род в противоположность *-a*, который используется только как показатель принадлежности лица к женскому полу: *den gamle / sjuke / enskilde / dömde / brottsmisstänkte* можно сказать как о мужчине, так и о человеке вообще; *den gamla / sjuka / enskilda / dömda / rottsmisstänkta* — только о женщине.

Новые семантические функции, приобретенные показателем слабой формы *-e* в результате рассмотренных процессов, послужили толчком для дальнейшего изменения его смысловой нагрузки в морфологической структуре собственно прилагательного. В современ-

---

⁵ *Wellander E.* Op. cit. S. 196.

⁶ *Språkriktighetsboken. Skrifter utgivna av Svenska språknämnden*, 93. Stockholm, 2005. S. 93.

⁷ *Ibid.*

ном шведском языке корреляция окончаний *-a/-e* используется, в частности, для разграничения в значении существительных по линии категории одушевленности/неодушевленности. Тем самым показатель *-e* превратился в маркер одушевленности у нейтральных в отношении семантического рода существительных, которые в старой трехродовой системе принадлежали к грамматическому мужскому роду; ср. *den uppmärksamme läsaren* «внимательный читатель», но *den optiska läsaren* «оптический сканер»⁸.

Таким образом, из региональных и/или стилистических вариантов показатели слабого прилагательного *-a/-e* фактически превратились в смысловые корреляты с новыми семантическими признаками и служат для выражения одушевленности/неодушевленности. При этом каждый из них выполняет двойную семантическую нагрузку:

- *-e* маркирует: а) семантический мужской род; б) одушевленность существительного;
- *-a* маркирует: а) семантический женский род одушевленных существительных; б) неодушевленность существительного.

Изменение статуса рассматриваемых показателей не только не нейтрализовало «изначальную» вариативность в их употреблении, но, напротив, сильно расширило ее границы и распространение на те сферы, где прежде это было невозможно. Утвердившись в качестве облигаторного на определенных участках морфологии имени, показатель *-e* приобрел в узусе новые реализации, направленные на расшатывание нормы сразу в нескольких направлениях:

- Показатель *-e* стал употребляться в прилагательных при обозначении лиц женского пола существительными, изначально принадлежавшими к грамматическому мужскому роду, например: *biskop, minister, lärare, skådespelare: Sveriges nye biskop i Stockholm, Caroline Krook; kommunens förste kvinnlige ordförande i socialnämnden*⁹; *den kände svenske psykologen Madeleine Katz*¹⁰; *den nyanställde språkvårdaren Catharina Grünbaum*¹¹.

Как отмечается в «Шведской академической грамматике», показатель *-e* возможен как вариант при соотнесенности с

---

⁸ *Hellberg S. Sanningen om svenskan. 75 artiklar om vårt språk. Göteborg, 1984. S. 45; Svenska akademiens grammatik. Stockholm, 1999. Bd. 2. S. 229.*

⁹ *Språkriktighetsboken. S. 92.*

¹⁰ *Svenska akademiens grammatik. Bd. 2. S. 229.*

¹¹ *Westman M. Språkets myller. Falun, 2001. S. 89. (= Skrifter utgivna av Svenska språknämnden, 84).*

лицами женского пола у прилагательных, обозначающих их общественный статус. Напротив, при обозначении личных качеств женщины прилагательное обычно получает окончание *-a*; ср., например: *den nye finske / nya finska utrikesministern Anna Lindblom*, но *den trevliga ministern Anna Lindblom*; *den politiske / politiska fången Violeta Jimenez*, но *den svårt sjuka fången Violeta Jimenez*¹².

Имеются, однако, и такие случаи, когда прилагательное с окончанием *-e* возможно даже рядом с существительным, которое всегда обозначает только лиц женского пола: *på söndag börjar allvaret på riktigt för Hillary Clinton, USA:s på en gång populära och omstridde första dam*¹³. Думается, что причиной столь необычного употребления является стремление отграничить устойчивое сочетание *första dam*, обозначающее общественный статус, от относящихся к нему определений. Известную роль может играть и эмфатическое выделение прилагательных.

- Показатель *-e* иногда встречается даже при употреблении с одушевленными существительными — *människa*, которое до сих пор замещается при прономинализации только местоимением *hon*, а также *person* (от латинского существительного женского рода *persona*) и *kollega* при обозначении лица мужского пола: *Han sätter kollektivet först men bryr sig om den enskilde människan så mycket som det går att bryr sig om någon*; *Men ljudet av Hemglassbilens lilla trubelutt kan få den mest flegmatische person att morra av raseri*¹⁴; *Han skriver även att det måste spridas mer kunskap till den enskilde människan för att göra henne mer aktiv*; *min lärde kollega*¹⁵.
- Показатель *-e* встречается при одушевленных существительных среднего рода, обозначающих лиц мужского пола: *det ansvarige statsrådet Hans Karlsson*¹⁶; *generalsekreterarens specielle sändebud*¹⁷; *det knappt 20-årige vittnet*¹⁸.
- Показатель *-e* проявляет тенденцию к распространению на употребление с неодушевленными существительными в пе-

---

¹² Svenska akademiens grammatik. Bd. 2. S. 229.

¹³ Språkriktighetsboken. S. 92.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Westman M. Op. cit. S. 89.

¹⁶ Språkriktighetsboken. S. 91.

¹⁷ Svenska akademiens grammatik. Bd. 2. S. 229.

¹⁸ Westman M. Op. cit. S. 93.

реносном значении при соотнесении с лицами мужского пола, причем даже в тех случаях, когда в морфологической структуре существительного с исходом основы на -а содержится информация о его былой принадлежности к грамматическому женскому роду: den 48-årige rocklegende; Auxerres 20-årige supertalang; långsamme men farlige spjutspetsen Jarmo Viinkainen; svenske trumpetstjärnan Håkan Hardenberger; New York Islanders svenske backklippa Kenny Jönsson¹⁹; den ryske ishockeystjärnan²⁰.

Как показывают данные исследования, проведенного Маргретой Вестман, возможны даже случаи употребления обоих показателей слабой формы прилагательного в одном словосочетании независимо от региональной принадлежности говорящего: den unge svenska trumpetaren Håkan Hardenberger; första sovjetiske partiledare; den siste kända person som...²¹ Можно предположить, что вариативность используется в таких случаях как средство разграничения неоднородных определений — качественного и относительного в первом примере, порядкового и относительного — во втором и третьем. Показательно также, что в обоих случаях показатель ближайшего прилагательного соответствует исконному грамматическому роду существительного. Однако нет сомнения в том, что при подобных употреблениях имеет место свободное варьирование.

Таким образом, функционирование слабых прилагательных с показателем -e в динамике синхронии выявляет еще большую степень вариативности, теперь уже не ограниченной региональными или стилистическими факторами, а получившей новые семантические и прагматические коннотации.

Другим примером морфологической вариативности в шведском языке является возможность образования форм претерита (иногда также и супина) некоторых глаголов по сильному или слабому (первому или второму) спряжению. При этом в некоторых случаях наблюдается тенденция к семантизации словоизменительных вариантов, которая имеет различные проявления и различную степень закрепленности в системе и норме.

Выбор словоизменительного варианта может служить для разграничения тождественных лексем с различной синтаксической и семантической валентностью по линии переходности/непереходно-

---

¹⁹ Språkriktighetsboken. S. 91.

²⁰ Westman M. Op. cit. S. 89.

²¹ Ibid.

²² См. об этом Маслова-Лащанская С. С. Указ. соч. С. 215.

сти у таких глаголов, как *frysa vi* «мерзнуть», *vt* «замораживать»; *svälta vi* «голодать», *vt* «морить голодом»; *smälta vi* «таять», *vt* «рас-тапливать»²². Соотношения между вариантами при этом могут быть различными:

- У непереходного глагола возможна только форма с аблаутом, в то время как переходный, по данным «Шведской академической грамматики», допускает варьирование по сильному и слабому спряжению; ср.: *Vi frös i småblåsten*, но *Vi frös / fryste fem kilo jordgubbar*; *Efter första världskriget svalt många i Sverige*, но *Cecilia och Rebecka svalt / svälte sig till skuggor*²³.

Показательно, что современные толковые словари шведского языка не фиксируют варьирование у переходных глагольных лексем, которые относятся ко второму слабому спряжению: *Många svälte sina döttrar för att de skulle bli så attraktiva som möjligt*²⁴. Вероятно, указанные расхождения между в основном ориентированными на норму словарями и «Шведской академической грамматикой», в которой уделяется больше внимания современному речевому узусу, свидетельствует о том, что норма и узус находятся в отношении неустойчивого равновесия на тех участках языковой системы, где имеет место вариативность.

- У непереходного глагола наблюдается варьирование по слабому / (реже) сильному спряжению, в то время как переходный глагол имеет только слабые формы; ср. *Glassen har smält / smultit*, но *Jag har smält smöret*²⁵.

У слабых глаголов использование форм сильного спряжения может служить для разграничения прямого (по слабому типу) и переносного (по сильному типу) значений, ср.: *Det klickade till i låset* «В замке что-то щелкнуло», но *Det klack till i honom*²⁶ «Внутри у него что-то ёкнуло».

Встречаются также случаи а) со слабой формой в прямом употреблении и вариативностью в переносном: *Han stupade i kriget*, но *Per stupade / stöp i säng*²⁷; б) с варьированием в прямом употреблении глагольной лексики и сильным спряжением в

²³ Svenska akademiens grammatik. Bd. 2. S. 577.

²⁴ Svenskt språkbruk. Ordbok över konstruktioner och fraser. Utarbetad av Svenska språknämnden. Stockholm, 2003. S. 1164.

²⁵ Svenska akademiens grammatik. Bd. 2. S. 577.

²⁶ Ibid. S. 575.

²⁷ Ibid.

переносном: *Det rykte / rök i skorstenen* «Из трубы шел дым», но *Där rök min sista tia*²⁸ «Так испарилась моя последняя десятка».

У глагола *besluta* наблюдаются расхождения в словоизменении, связанные с лексико-стилистическими различиями: он спрягается как сильный (*beslöt, beslutit*) в значении «решить(ся) сделать что-л.», но как слабый (*beslutade, beslutat*) в значении «принять решение о чем-л.», обычно в формальной ситуации.

Вместе с тем в глагольной системе современного шведского языка можно наблюдать и результат «преодоления» вариативности, когда глаголы, образованные от одной лексемы, вследствие семантической дивергенции разошлись и по значению, и по морфологической принадлежности сильному или слабому спряжению²⁹. К ним относятся, в частности, глагол *sluta* и производный от него *avsluta*, который спрягается как слабый первого класса в значении «завершить(-ся)» и как сильный четвертого класса в значении «заключить (договор, соглашение)»; ср.: *Kommittén avslutade sitt arbete*, но *Parterna avslöt ett fördrag*³⁰. С глаголом *sluta* картина более пестрая; он спрягается как сильный в значении «закрывать» и «заключить» (*slöt, slutit*) и преимущественно как слабый в значениях «закончиться» и «закончить»; ср.: *Med dessa ord slutade han sitt tal*, но *P. S. Skicka gärna en tia, slöt han brevet*³¹. Однако, по данным «Шведского толкового словаря», при переходном употреблении в последнем значении возможна вариативность в претерите: *slutade / slöt*.

С точки зрения семантизации морфологической вариативности представляет интерес сосуществование двух моделей образования сложных слов с идентичными первыми компонентами, обладающими высокой степенью продуктивности, — *gata* и *kyrka*. Они образуют композиты двоякой морфологической структуры — с соединительным гласным *-u/-o*, восходящим к показателю генитива основ женского рода слабого склонения, и без него; число тех и других образований, по данным словарей, примерно одинаково. Анализ материала позволяет, хотя и с известной осторожностью, предположить, что в большинстве случаев имеется различие в характере смысловой связи между компонентами. При наличии соединитель-

---

²⁸ Svenska akademiens grammatik. S. 577.

²⁹ См. об этом также: *Маслова-Лашанская С. С.* Лексикология шведского языка. Л., 1973. С. 172.

³⁰ Svenska akademiens grammatik. Bd. 2. S. 575.

³¹ Ibid.

ной морфемы в значении композита содержится идея «внутренней», неотъемлемой принадлежности денотата второго компонента первому, свойственной ему как бы априорно, по логике вещей. В композитах без соединительного гласного имеет место внешняя или, вернее, привнесенная извне «вторичная» связь между денотатами компонентов, образующих новое понятие. Ср., например: *gatukors* «перекресток» (который неизбежно возникает на пересечении улиц), *gatuplan* «первый этаж» (также обязательно имеющийся в здании, состоящем из нескольких этажей) и *gatflicka* «уличная девка», *gatpojke* «уличный мальчишка», *gatlykta* «уличный фонарь», *gatsopare* «подметальщик улиц». Некоторым подтверждением предлагаемой трактовки может служить наличие в современном шведском языке двух композитов различной структуры с идентичными первым и вторым компонентами, имеющих принципиально различные денотаты — *kyrkogång* с двумя значениями: 1) посещение церкви; 2) введение женщины в храм после рождения ребенка; и *kyrkgång* «проход в церкви между рядами скамеек». Аналогичные пары композитов с различной семантической структурой имеются и для слов с первым компонентом *kyrka*: *kyrkogård* «кладбище», *kyrkoherde* «пастор», *kyrkolatin* «церковная латынь», *kyrkomusik* «церковная музыка», но *kyrkbacke* «холм, на котором стоит церковь», *kyrkråtta* «церковная крыса», *kyrksilver* «церковное серебро» и др.

Важно подчеркнуть, что выбор модели композита не обусловлен временем его появления в письменной фиксации. Так, многие слова с соединительным гласным появились в шведском языке в XIX в.: *gatubeläggning* «уличное покрытие» (1834), *gatuförsäljare* «уличный торговец», *gatuplan* (1889 — и даже во второй половине XX в.); *gatukontor* «муниципальная служба, отвечающая за содержание улиц и дорог» (1950); *gatukök* «уличный киоск, где можно купить горячую пищу» (1965); *gatubarn* «ребенок, выросший на улице» (1984)³². Вместе с тем многие композиты без соединительного гласного являются значительно более ранними образованиями, например: *kyrkbacke* «холм, на котором стоит церковь», *kyrkby* «село, в котором имеется церковь» (1520); *kyrktorn* «церковная башня; колокольня» (1522); *kyrkklocka* «часы на церковной башне» (1530); *kyrkbänk* «скамья в церкви» (1538); *kyrkbåt* «лодка, на которой прихожане ездили в церковь» (1555); *kyrkfönster* «окно в церкви» (1615).

---

³² Даты первой письменной фиксации слов здесь и ниже приводятся по данным словаря: *Nationalencyklopedins ordbok / Göteborgs universitet. Göteborg, 1995–1996. Bd. 1–3.*

Разумеется, отмеченные смысловые различия не всегда четко просматриваются, поскольку словообразование является лексическим процессом и не обладает признаком облигаторности. Так, среди композитов с компонентом *kyrk(o)*- имеются варианты, образованные как по одному, так и по другому типу, например: *kyrk(o)bibel* «церковная Библия»; *kyrk(o)bok* «церковная книга»; *kyrk(o)bokföring* «запись в церковной книге»; *kyrk(o)tagning* «введение женщины в храм после рождения ребенка»; *kyrk(o)besök* «посещение церкви». Имеются также структурно различающиеся композиты, у которых расхождения в смысловой структуре не столь заметны. Так, например, наряду с содержащими явную негативную оценку словами *gatflicka* и *gatpojke* имеется существительное *gatubarn* «ребенок, выросший на улице», в семантике которого негативно-оценочная коннотация отсутствует. Некоторые нюансы можно усмотреть и при сравнении таких пар композитов, как *kyrkoherde* «пастор» и *kyrkvård* «церковный староста», *kyrkorum* «церковное помещение» и *kyrksal* «зал для богослужений, находящийся не в церкви». В слове *gatufärsäljare* содержится обозначение свойства (какой торговец), в то время как в композитах *bil-*, *glass-*, *tavelförsäljare* имеет место объектная связь между компонентами (продавец чего-л.). Нельзя полностью исключить и влияние фонотактики на морфологическую структуру композитов; ср.: *gatubelysning* «уличное освещение» и *gatlykta* «уличный фонарь»; *gatubeläggning* «уличное покрытие» и *gatläggning* «мощение улиц». Однако этот фактор, как представляется, является вторичным.

В шведском языке наблюдается и такой тип варьирования, который на первый взгляд представляет собой свободный выбор в индивидуальном употреблении. Речь идет об ограниченной зоне, в которой норма допускает использование как возвратного местоимения *sin*, так и притяжательного местоимения третьего лица. Э. Велландер пишет по этому поводу следующее: «Ofta ger den enes språkkänsla bestämt utslag i en riktning, den andres i en annan, beroende på någon olikhet i tankegång, i medvetna eller omedvetna analogier, i språklig skolning, i tycke och smak»³³. По сути дела, здесь уже содержится в свернутом виде указание на прагматические факторы, определяющие выбор того или иного варианта. Более конкретная интерпретация прагматического компонента представлена в недавно увидевшей свет книге «*Språkriktighetsboken*» (букв. «Книга о правильности

---

³³ Wellander E. Op. cit. S. 233.

языка»), подготовленной и изданной Шведской языковой комиссией. В ней приведены примеры высказываний, в которых допускается варьирование возвратного и притяжательного местоимений: *Boken handlade om Annas liv i sin / hennes älskade stuga; Varför vill (s) driva Britta från sitt / hennes hus?*³⁴ Второй из приведенных примеров является одним из лозунгов предвыборной агитации Умеренной коалиционной партии Швеции, критикующей политику социал-демократов; в лозунге употреблено возвратное местоимение *sin*. Анализируя тонкие различия в прагматике таких высказываний в зависимости от выбора местоимения, авторы книги отмечают, что в тех случаях, когда предпочтение отдается возвратному местоимению, говорящий как бы принимает точку зрения того лица, о котором сообщается в высказывании: «*Det är Britta det handlar om, det är henne vi ska sympatisera med, och det är henne vi ser framför oss packande sina pinaler. På samma sätt intar exempel med Anna hennes perspektiv snarare än bokens... Tvärtom kan motsvarande meningar, skrivna i enlighet med den gamla tumregeln, uppfattas som mer distanserade. Principen här är alltså att sin markerar närhet och hans / hennes markerar distans i perspektivet, vilket kunde väntas ge utslag åt båda håll, men det yttrar sig framför allt i en ökad användning av sin*»³⁵.

Указание на возможность представить одну и ту же ситуацию говорящим в ближней или дальней перспективе (*närhet / distans i perspektivet*) при использовании вариативных средств в передаче одного и того же содержания представляется особенно интересным. Сделанные авторами книги наблюдения вписываются в более общую картину, отражающую смысловую корреляцию между возможностью представить одну и ту же ситуацию как актуальную, концептуально близкую (ближняя перспектива) или, напротив, отчуждаемую, дистанцируемую (дальняя перспектива)³⁶. Так, в высказывании *Per åkte till Tyskland med Ingrid, sin / hans sekreterare*³⁷ выбор притяжательного местоимения третьего лица может быть обусловлен тем, что говорящий выражает свое неодобрение этого поступка или как-либо иначе дистанцируется от сообщения о поездке, исключая описываемую ситуацию из сферы своего личностного «я».

---

³⁴ Språkriktighetsboken. S. 222.

³⁵ Ibid.

³⁶ См. об этом: *Tchekalina E. Temporalt och modalt perspektiv i svenskan // Rask. 1997. 5/6. S. 139–155; Чекалина Е. М. Смысловая корреляция субъективного и объективного в шведском языке // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2003. № 6. С. 77–92.*

В разговорной речи до сих пор встречается издавна отмечавшаяся в диалектах конструкция с двойным супином (*dubbelt supinum*) в составе сложного глагольного сказуемого с формой плюсквамперфекта, обозначающей нереальность, чаще от модальных глаголов *kunna* и *böra*, реже — от таких, как *behöva*, *hinna*, *bruka*, *orka*, *råka*, *tänka*, *vilja*, *våga*: *Det hade du kunnat sagt förut*³⁸; *Hade det inte varit för ett olyckligt bensinstopp i ledningen på väg till depån hade sjätteplatsen kunnat varit något betydligt bättre*³⁹. Несмотря на то что такое употребление допускается только в обиходно-разговорной речи, в последнее время авторитетные шведские языковеды обратили внимание на то, что устойчивость конструкции с двойным супином может быть связана с ее семантизацией в качестве средства передачи видового значения завершенности. Впервые на это обратила внимание в одной из своих статей Маргарета Вестман; она связала различия в употреблении конструкций с двойным супином и с инфинитивом после плюсквамперфекта с возможностью постановки различных обстоятельств: *Jag hade kunnat göra det i åtminstone två timmar* «Я бы мог делать это по крайней мере в течение двух часов», но *Jag hade kunnat gjort det på två timmar*⁴⁰ «Я бы смог сделать это за два часа». Аналогичные наблюдения содержатся и в книге «*Språkriktighetsboken*»: *Jag hade kunnat cykla vid det här laget, om jag bara kunde tränat ordentligt* «Я бы к этому времени умел (научился) кататься на велосипеде, если бы тренировался как следует», но *Jag hade kunnat cyklat till jobbet i morse, om jag bara hade startat tidigare*⁴¹ «Я бы смог доехать до работы на велосипеде сегодня утром, если бы выехал пораньше».

Синтаксическим фоном для аспектуального значения конструкции с двойным супином служит результативная конструкция со спрягаемым глаголом *få* и супином переходных глаголов: *Han har fått utträttat mycket på kort tid*; *Han får nog utträttat sina ärenden på kort tid*; *Han fick utträttat sina ärenden på kort tid*⁴². Кроме того, в синтаксисе разговорной речи двойной супин проявляет сходство с сочинительными конструкциями, в которых также возможен двойной супин: *Han hade inte börjat och målat huset ännu*⁴³.

³⁷ Svenska akademiens grammatik. Bd. 2. S. 338.

³⁸ *Wellander E.* Op. cit. S. 277.

³⁹ *Språkriktighetsboken.* S. 321.

⁴⁰ *Westman M.* Op. cit. S. 16.

⁴¹ *Språkriktighetsboken.* S. 323.

⁴² *Ibid.*

⁴³ *Ibid.*

Ни одна работа по нормативной грамматике и стилистике шведского языка не обходит стороной наблюдающееся в течение длительного времени вариативное употребление предлога *före* и темпорального союза *innan* в той же функции. Обращается внимание на то, что последний чаще встречается со словами, в собственном лексическом значении которых уже содержится указание на определенный момент или период времени: *innan klockan åtta*, *innan kvällen*, *innan den första maj*, *innan sommaren*. Вместе с тем в речи возможно употребление и других слов, не содержащих такого указания: *Innan resan till Göteborg arbetade 24-åringen som väktare i Stockholm; Vi tänkte måla om garageporten innan middagen*⁴⁴. В цитированной выше книге М. Вестман содержится интересное наблюдение о тонких различиях в семантике обстоятельств с *före* и *innan*. В то время как предлог *före* обозначает непосредственно предшествование и является в этом плане антонимом предлога *efter*, *innan* в предложной функции акцентирует внимание на последовательности событий: «*Innan huvudsakligen gäller tidsordning, medan före är mer neutralt med avseende på i vilken dimension ordningen föreligger*»⁴⁵. В известном смысле семантическое различие между *före* и *innan* проявляет сходство с русскими предлогами *перед* и *до*. Показательно, что *före*, как и русский предлог *перед*, не сочетается с некоторыми существительными в обстоятельственных функциях. Так, по-шведски вряд ли можно сказать *före kvällen*, так же как по-русски *перед вечером. Разумеется, отношение между ними не является однозначным, поскольку русский предлог *перед* имеет и пространственное употребление, что не характерно для *före*.

Рассмотренные на материале различных частей речи функциональные аспекты варьирования в шведском языке наглядно демонстрируют, что использование вариативных языковых средств чаще всего сопровождается семантической дифференциацией, напоминая нам о том, что «язык не живет своей особой жизнью или помимо жизни говорящих»⁴⁶.

---

⁴⁴ Språkriktighetsboken. S. 184.

⁴⁵ Westman M. Op. cit. S. 17.

⁴⁶ Косеру Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. III. С. 149.

FUNKTIONELLA ASPEKTER AV VARIATION I NUSVENSKAN

I artikeln analyseras semantiska aspekter av variation inom olika ordklasser i svenskan: ändelserna *-a/-e* hos svaga adjektivformer som syftar på person; starka respektive svaga böjningsformer hos enstaka verb; ordsammansättning med eller utan bindevokal hos komposita med de identiska första komponenterna *gat(u)-*, *kyrk(o)-*; växlande användning av pronomina *sin* och possessiva i tredje person med samma syntaktiska funktioner; verbfraser med pluskvamperfekt plus supinum (så kallat dubbelt supinum) respektive infinitiv; *före* och *innan* som temporala prepositioner. Valet av de varierande språkenheterna uppvisar mer eller mindre påtaglig semantisk nyansering, dels fixerad av normativ grammatik både i skrift- och talspråket, dels tillhörande en något subtilare «naturlig» grammatik som förekommer endast i tal och icke normerad skrift.